

Свадьба — текст 2 из 2

Евдоким Захарович Жигалов, отставной коллежский регистратор.

Настасья Тимофеевна, его жена.

Дашенька, их дочь.

Эпаминонд Максимович Апломбов, ее жених.

Федор Яковлевич Ревунов-Караулов, капитан 2-го ранга в отставке.

Андрей Андреевич Нюнин, агент страхового общества.

Анна Мартыновна Змеюкина, акушерка 30 лет, в ярко-пунцовом платье.

Иван Михайлович Ять, телеграфист.

Харламбий Спиридонович Дымба, грек-кондитер.

Дмитрий Степанович Мозговой, матрос из Добровольного флота.

Шафера, кавалеры, лакеи и проч.

, Ять и шафер (идут через сцену)

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Ять (идя за ней). Сжальтесь! Сжальтесь!

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Шафер (спеша за ними). Господа, так нельзя! Куда же вы? А гран-рон?

Гран-рон, силь-ву-пле!

и Апломбов

Настасья Тимофеевна. Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать.

Апломбов. Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделять ногами кренделя. Я человек положительный и с характером и не вижу никакого развлечения в пустых удовольствиях. Но дело не в танцах. Простите, тамаа, но я многого не понимаю в ваших поступках. Например, кроме предметов домашней необходимости, вы обещали также дать мне за вашей дочерью два выигрышных билета. Где они?

Настасья Тимофеевна. Голова у меня что-то разболелась... Должно, к непогоде... Быть оттепели!

Апломбов. Вы мне зубов не заговаривайте. Сегодня же я узнал, что ваши билеты в залоге. Извините, тамаа, но так поступают одни только эксплуататоры. Я ведь это не из эгоистицизма мне ваши билеты не нужны, но я из принципа, и надувать себя никому не позволю. Я вашу дочь осчастливил, и если вы мне не отдадите сегодня билетов, то я вашу дочь с кашей съем. Я человек благородный!

Настасья Тимофеевна (оглядывая стол и считая приборы). Раз, два, три, четыре, пять...

Лакей. Повар спрашивает, как прикажете подавать мороженое: с ромом, с мадерой или без никого?

Апломбов. С ромом. Да скажи хозяину, что вина мало. Скажи, чтоб еще го-сотерну поставил. (Настасье Тимофеевне.) Вы также обещали, и уговор такой был, что сегодня за ужином будет генерал. А где он, спрашивается?

Настасья Тимофеевна. Это, батюшка, не я виновата.

Апломбов. Кто же?

Настасья Тимофеевна. Андрей Андреич виноват... Вчерась он был и обещал привести самого настоящего генерала. (Вздыхает.) Должно, не нашел нигде, а то привел бы... Нешто нам жалко? Для родного дитя мы ничего не пожалеем. Генерал так генерал...

Апломбов. Но дальше... Всем, в том числе и вам, тамап, известно, что за Дашенькой, пока я не сделал ей предложения, ухаживал этот телеграфист Ять. Зачем вы его пригласили? Разве вы не знали, что мне это неприятно?

Настасья Тимофеевна. Ох, как тебя? Эпаминонд Максимыч, еще и дня нет, как женился, а уж замучил ты и меня, и Дашеньку своими разговорами. А что будет через год? Нудный ты, ух нудный!

Апломбов. Не нравится правду слушать? Ага! То-то! А вы поступайте благородно. Я от вас хочу только одного: будьте благородны!

с Дашенькой, в задней Ять со Змеюкиной
и Дымба

Шафер (кричит). Променад! Мсье, променад! (За сценой.) Променад!

Ять (Змеюкиной). Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

Змеюкина. Ах, какой вы... Я уже вам сказала, что я сегодня не в голосе.

Ять. Умоляю вас, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

Змеюкина. Надоели... (Садится и машет веером.)

Ять. Нет, вы просто безжалостны! У такого жестокого создания, позвольте вам выразиться, и такой чудный, чудный голос! С таким голосом, извините за выражение, не акушерством заниматься, а концерты петь в публичных собраниях! Например, как божественно выходит у вас вот эта фиоритура... вот эта... (Напевает.) Я вас любил, любовь еще напрасно... Чудно!

Змеюкина (напевает). Я вас любил, любовь еще, быть может... Это?

Ять. Вот это самое! Чудно!

Змеюкина. Нет, я не в голосе сегодня. Натe, махайте на меня веером... Жарко!

(Апломбову.) Эпаминонд Максимыч, что это вы в меланхолии? Разве жениху можно так? Как вам не стыдно, противный? Ну, о чем вы задумались?

Апломбов. Женидьба шаг серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

Змеюкина. Какие вы все противные скептики! Возле вас я задыхаюсь... Дайте

мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы! (Напевает.)

Ять. Чудно! Чудно!

Змеюкина. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчас будет разрыв сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мне так душно?

Ять. Это оттого, что вы вспотели-с...

Змеюкина. Фуй, как вы вульгарны! Не смейте так выражаться!

Ять. Виноват! Конечно, вы привыкли, извините за выражение, к аристократическому обществу и...

Змеюкина. Ах, оставьте меня в покое! Дайте мне поэзии, восторгов! Махайте, махайте...

Жигалов (Дымбе). Повторим, что ли? (Наливает.)

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ничего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ничего нету.

Жигалов. Гм... А кашалоты в Греции есть?

Дымба. Все есть.

Настасья Тимофеевна (мужу). Что ж зря-то пить и закусывать? Пора бы уж всем садиться. Не тыкай вилкой в омары... Это для генерала поставлено.

Может, еще придет...

Жигалов. А омары в Греции есть?

Дымба. Есть... Там все есть.

Жигалов. Гм... А коллежские регистраторы есть?

Змеюкина. Воображаю, какая в Греции атмосфера!

Жигалов. И, должно быть, жульничества много. Греки ведь все равно, что армяне или цыганы. Продает тебе губку или золотую рыбку, а сам так и норовит, чтоб содрать с тебя лишнее. Повторим, что ли?

Настасья Тимофеевна. Что ж зря повторять? Всем бы уж пора садиться.

Двенадцатый час...

Жигалов. Садиться так садиться. Господа, покорнейше прошу! Пожалуйста!

(Кричит.) Ужинать! Молодые люди!

Настасья Тимофеевна. Дорогие гости, милости просим! Садитесь!

Змеюкина (саясь за стол). Дайте мне поэзии! А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Дайте мне бурю!

Ять (в сторону). Замечательная женщина! Влюблен! По уши влюблен!

, Мозговой, шафера, кавалеры, барышни

Мозговой (вставая). Господа! Я должен сказать вам следующее... У нас приготовлено очень много тостов и речей. Не будем дожидаться и начнем сейчас же. Господа, предлагаю выпить тост за новобрачных!

Мозговой. Горько! Все. Горько! Горько!

Ять. Чудно! Чудно! Я должен вам выразиться, господа, и отдать должную справедливость, что эта зала и вообще помещение великолепны! Превосходно, очаровательно! Только знаете, чего не хватает для полного торжества?

Электрического освещения, извините за выражение! Во всех странах уже введено электрическое освещение, и одна только Россия отстала.

Жигалов (глубокомысленно). Электричество... Гм... А по моему взгляду, электрическое освещение одно только жульничество... Всунут туда уголек, да и думают глаза отвести! Нет, брат, уж если ты даешь освещение, то ты давай не уголек, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь особенное, чтоб было за что взяться! Ты давай огня понимаешь? огня, который натуральный, а не умственный!

Ять. Если бы вы видели электрическую батарею, из чего она составлена, то иначе бы рассуждали.

Жигалов. И не желаю видеть. Жульничество. Народ простой надувают... Соки последние выжимают... Знаем их, этих самых... А вы, господин молодой человек, чем за жульничество заступаться, лучше бы выпили и другим налили. Да право!

Апломбов. Я с вами, папаша, вполне согласен. К чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и сам поговорить о всевозможных открытиях в научном смысле, но ведь на это есть другое время! (Дашеньке.) Ты какого мнения, машер1?

Дашенька. Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном.

Настасья Тимофеевна. Слава богу, прожили век без образования и вот уж третью дочку за хорошего человека выдаем. А ежели мы, по-вашему, выходит необразованные, так зачем вы к нам ходите? Шли бы к своим образованным!

Ять. Я, Настасья Тимофеевна, всегда уважал ваше семейство, а ежели я насчет электрического освещения, так это еще не значит, что я из гордости. Даже вот выпить могу. Я всегда от всех чувств желал Дарье Евдокимовне хорошего жениха. В наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег...

Апломбов. Это намек!

Ять (струсив). И никакого тут нет намека... Я не говорю о присутствующих... Это я так... вообще... Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное.

Настасья Тимофеевна. Нет, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся. Кроме того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три салопа даем, постель и всю мебель. Подика-сь, найди в другом месте такое

приданое!

Ять. Я ничего... Мебель, действительно, хорошая и... и салоны, конечно, но я в том смысле, что вот они обижаются, что я намекнул.

Настасья Тимофеевна. А вы не намекайте. Мы вас по вашим родителям почитаем и на свадьбу пригласили, а вы разные слова. А ежели вы знали, что Эпаминонд Максимыч из интереса женится, то что же вы раньше молчали? (Слезливо.) Я ее, может, вскормила, вспоила, взлелеяла... берегла пуще алмаза изумрудного, деточку мою...

Апломбов. И вы поверили? Покорнейше вас благодарю! Очень вам благодарен! (Ятю.) А вы, господин Ять, хоть и знакомый мне, а я вам не позволю строить в чужом доме такие безобразия! Позвольте вам выйти вон!

Ять. То есть как?

Апломбов. Желая, чтобы и вы были таким же честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон!

Кавалеры (Апломбову). Да оставь! Будет тебе! Ну стоит ли? Садись! Оставь!

Ять. Я ничего... Я ведь... Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мне сначала пять рублей, что вы брали у меня в прошлом году на жилетку пике, извините за выражение. Выпью вот еще и... и уйду, только вы сначала долг отдайте.

Кавалеры. Ну будет, будет! Довольно! Стоит ли из-за пустяков?

Шафер (кричит). За здоровье родителей невесты Евдокима Захарыча и Настасьи Тимофеевны!

Жигалов (растроганный, кланяется во все стороны). Благодарю вас! Дорогие гости! Очень вам благодарен, что вы нас не забыли и пожаловали, не побрезгали!.. И не подумайте, чтоб я был выжига какой или жульничество с моей стороны, а просто из чувств! От прямого души! Для хороших людей ничего не пожалею! Благодарим покорно! (Целуется.)

Дашенька (матери). Мамаша, что же вы плачете? Я так счастлива!

Апломбов. Маман взволнована предстоящей разлукой. Но я посоветовал бы ей лучше вспомнить наш недавний разговор.

Ять. Не плачьте, Настасья Тимофеевна! Вы подумайте: что такое слезы человеческие? Малодушная психиатрия и больше ничего!

Жигалов. А рыжики в Греции есть?

Дымба. Есть. Там все есть.

Жигалов. А вот груздей, небось, нету.

Дымба. И грузди есть. Все есть.

Мозговой. Харлампыч Спиридоныч, ваша очередь читать речь! Господа, пусть говорит речь!

Все (Дымбе). Речь! речь! Ваша очередь!

Дымба. Зачем? Я не понимаю которое... Сто такое?

Змеюкина. Нет, нет! Не смейте отказываться! Ваша очередь! Вставайте! Дымба (встает, смущенно). Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция. Теперь которые люди в России и которые в Греции... И которые по морю плавают каравия, по русскому значит корабли, а по земле разные которые железные дороги. Я хорошо понимаю... Мы греки, вы русские и мне нищего не надо... Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция. Нюнин. Пойдите, господа, не ешьте! Походите! Настасья Тимофеевна, на минутку! Пожалуйста сюда! (Ведет Настасью Тимофеевну в сторону, запыхавшись.) Послушайте... Сейчас придет генерал... Наконец нашел-таки... Просто замучился... Генерал настоящий, солидный такой, старый, лет, пожалуй, восемьдесят, а то и девяносто...

Настасья Тимофеевна. Когда же он придет?

Нюнин. Сию минуту. Будьте всю жизнь мне благодарны. Не генерал, а малина, Буланже! Не пехота какая-нибудь, не инфантерия, а флотский! По чину он капитан второго ранга, а по-ихнему, морскому, это все равно, что генерал-майор, или в гражданской действительный статский советник. Решительно все равно. Даже выше.

Настасья Тимофеевна. А ты меня не обманываешь, Андрюшенька?

Нюнин. Ну вот, мошенник я, что ли? Будьте покойны!

Настасья Тимофеевна (вздыхая). Не хочется зря деньги тратить, Андрюшенька...

Нюнин. Будьте покойны! Не генерал, а картина! (Возвышая голос.) Я и говорю: Совсем, говорю, забыли нас, ваше превосходительство! Нехорошо, ваше превосходительство, старых знакомых забывать! Настасья, говорю, Тимофеевна на вас в большой претензии! (Идет к столу и садится.) А он говорит: Помилуй, мой друг, как же я пойду, если я с женихом не знаком? Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемонии? Жених, говорю, человек прекраснейший, душа нараспашку. Служит, говорю, оценщиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червонный валет. В ссудных кассах, говорю, нынче и благородные дамы служат. Похлопал он меня по плечу, выкурили мы с ним по гаванской сигаре, и вот теперь он едет... Походите, господа, не ешьте...

Апломбов. А когда он приедет?

Нюнин. Сию минуту. Когда я уходил от него, он уже калоши надевал. Походите, господа, не ешьте.

Апломбов. Так надо приказать, чтоб марш играли...

Нюнин (кричит). Эй, музыканты! Марш!

Лакей (докладывает). Господин Ревунов-Караулов!

Настасья Тимофеевна (кланяясь). Милости просим, ваше превосходительство! Очень приятно!

Ревунов. Весьма!

Жигалов. Мы, ваше превосходительство, люди не знатные, не высокие, люди простые, но не подумайте, что с нашей стороны какое-нибудь жульничество. Для хороших людей у нас первое место, мы ничего не пожалеем. Милости просим!

Ревунов. Весьма рад!

Нюнин. Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминонд Максимыч Апломбов со своей новорожд... то есть с новобрачной супругой! Иван Михайлыч Ять, служащий на телеграфе! Иностранец греческого звания по кондитерской части Харлампий Спиридоныч Дымба! Осин Лукич Бабельмандебский! И прочие, и прочие... Остальные все чепуха. Садитесь, ваше превосходительство!

Ревунов. Весьма! Виноват, господа, я хочу сказать Андрюше два слова. (Отводит Нюнина в сторону.) Я, братец, немножко сконфужен... Зачем ты зовешь меня вашим превосходительством? Ведь я не генерал! Капитан 2-го ранга это даже ниже полковника.

Нюнин (говорит ему в ухо, как глухому). Знаю, но, Федор Яковлевич, будьте добры, позвольте нам называть вас вашим превосходительством! Семья здесь, знаете ли, патриархальная, уважает старших, любит чинопочитание...

Ревунов. Да, если так, то конечно... (Идя к столу.) Весьма!

Настасья Тимофеевна. Садитесь, ваше превосходительство! Будьте такие добрые! Кушайте, ваше превосходительство! Только извините, у себя там вы привыкли к деликатности, а у нас просто!

Ревунов (не расслышав)

Жигалов. Значит, от души, ваше превосходительство? Уважаю! Сам я человек простой, без всякого жульничества, и уважаю таких. Кушайте, ваше превосходительство!

Апломбов. Вы давно в отставке, ваше превосходительство?

Ревунов. А? Да, да... так... Это верно. Да-с... Но позвольте, что же это, однако? Селедка горькая... и хлеб горький. Невозможно есть!

Все. Горько! Горько!

Ревунов

Вы того... матрос, стало быть?

Мозговой. Точно так.

Ревунов. Ага... Так... Да... Морская служба всегда была трудная. Есть над чем задуматься и голову поломать. Всякое незначительное слово имеет, так сказать, свой особый смысл! Например: марсовые по вантам на фок и грот!

Что это значит? Матрос небось понимает! Хе-хе... Тонкость, что твоя математика!

Нюнин. За здоровье его превосходительства Федора Яковлевича Ревунова-Караулова!

Ять. Вот вы, ваше превосходительство, изволили сейчас выразиться насчет трудностей флотской службы. А разве телеграфная легче? Теперь, ваше превосходительство, никто не может поступить на телеграфную службу, если не умеет читать и писать по-французски и по-немецки. Но самое трудное у нас, это передача телеграмм. Ужасно трудно! Извольте послушать. (Стучит вилкой по столу, подражая телеграфному станку.)

Ревунов. Что же это значит?

Ять. Это значит: я уважаю вас, ваше превосходительство, за добродетели. Вы думаете, легко? А вот еще... (Стучит.)

Ревунов. Вы погромче... Не слышу...

Ять. А это значит: мадам, как я счастлив, что держу вас в своих объятиях!

Ревунов. Вы про какую это мадам? Да... (Мозговому.) А вот, если идя полным ветром и надо... и надо поставить брамсели и бом-брамсели! Тут уж надо командовать: салинговые к вантам на брамсели и бом-брамсели... и в это время, как на реях отдают паруса, внизу становятся на брам и бом-брам-шкоты, фалы и брасы...

Шафер (вставая). Милостивые государи и милостивые госуд...

Ревунов (перебивая). Да-с... Мало ли разных команд... Да... Брамы и бом-брам-шкоты тянуть пшел фалы!! Хорошо? Но что это значит и какой смысл? А очень просто! Тянут, знаете ли, брамы и бом-брам-шкоты и поднимают фалы... все вдруг! причем уравнивают бом-брам-шкоты и бом-брам-фалы при подъеме, а в это время, глядя по надобности, потравливают брасы сих парусов, а когда уж, стало быть, шкоты натянуты, фалы все до места подняты, то брамы и бом-брам-брасы вытягиваются и реи брасуются соответственно направлению ветра...

Нюнин (Ревунову). Федор Яковлевич, хозяйка просит вас поговорить о чем-нибудь другом. Это непонятно гостям и скучно...

Ревунов. Что? Кому скучно? (Мозговому.) Молодой человек! А вот ежели корабль лежит бейдевинд правым галсом под всеми парусами и надо сделать через фордевинд. Как надо командовать? А вот как: свистать всех наверх, поворот через фордевинд!.. Хе-хе...

Нюнин. Федор Яковлевич, довольно! Кушайте.

Ревунов. Как только все выбежали, сейчас командуют: по местам стоять, поворот через фордевинд! Эх, жизнь! Командуешь, а сам смотришь, как матросы, как молния, разбегаются по местам и разносят брамы и брасы. Этак не выдержишь и крикнешь: молодцы, ребята! (Поперхнулся и кашляет.)

Шафер (спешит воспользоваться наступившей паузой). В сегодняшний, так сказать, день, в который мы, собравшись все в кучу для чествования нашего любимого...

Ревунов (перебивая). Да-с! И ведь все это надо помнить! Например: фока-шкот, грота-шкот раздернуть!..

Шафер (обиженно). Что ж он перебивает? Этак мы ни одной речи не скажем! Настасья Тимофеевна. Мы люди темные, ваше превосходительство, ничего этого самого не понимаем, а вы лучше расскажите нам что-нибудь касающее...

Ревунов (не расслышав). Я уже ел, благодарю. Вы говорите: гуся? Благодарю... Да... Старину вспомнил... А ведь приятно, молодой человек! Плынешь себе по морю, горя не зная, и... (дрогнувшим голосом) помните этот восторг, когда делают поворот оверштаг! Какой моряк не зажжется при воспоминании об этом маневре?! Ведь как только раздалась команда: свистать всех наверх, поворот оверштаг словно электрическая искра пробежала по всем. Начиная от командира и до последнего матроса все встрепенулись...

Змеюкина. Скучно! Скучно!

Ревунов (не расслышав). Благодарю, я ел. (С увлечением.) Все приготовилось и впилось глазами в старшего офицера... На фоковые и гротовые брасы на правую, на крьюсельные брасы на левую, на контра-брасы на левую, командует старший офицер. Все моментально исполняется... Фока-шкот, кливер-шкот раздернуть... право на борт! (Встает.) Корабль покатился к ветру, и, наконец, паруса начинают заполаскивать. Старший офицер: на брасах, на брасах не зевать, а сам впился глазами в грот-марсель и, когда, наконец, и этот парус то есть момент поворота наступил, раздается громовая команда: грот-марса-булинь отдай, пшел брасы! Тут все летит, трещит столпотворение вавилонское! все исполняется без ошибки. Поворот удался!

Настасья Тимофеевна (вспыхнув). Генерал, а безобразите... Постыдились бы на старости лет!

Ревунов. Котлет? Нет, не ел... благодарю вас.

Настасья Тимофеевна (громко). Я говорю, постыдились бы на старости лет! Генерал, а безобразите!

Нюнин (смущенно). Господа, ну вот... стоит ли? Право...

Ревунов. Во-первых, я не генерал, а капитан 2-го ранга, что по военной табели о рангах соответствует подполковнику.

Настасья Тимофеевна. Ежели не генерал, то за что же вы деньги взяли? И мы вам не за то деньги платили, чтоб вы безобразили!

Ревунов (в недоумении). Какие деньги?

Настасья Тимофеевна. Известно, какие. Небось получили через Андрея Андреевича четвертную... (Нюнину). А тебе, Андрюшенька, грех! Я тебя не

просила такого нанимать!

Нюнин. Ну вот... Оставьте! Стоит ли?

Ревунов. Наняли... заплатили... Что такое?

Апломбов. Позвольте, однако... Вы ведь получили от Андрея Андреевича двадцать пять рублей?

Ревунов. Какие двадцать пять рублей? (Сообразив.) Вот оно что! Теперь я все понимаю... Какая гадость! Какая гадость!

Апломбов. Ведь вы получили деньги?

Ревунов. Никаких я денег не получал! Подите прочь! (Выходит из-за стола.)

Какая гадость! Какая низость! Оскорбить так старого человека, моряка, заслуженного офицера!.. Будь это порядочное общество, я мог бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сделать? (Растерянно.) Где дверь? В какую сторону идти? Человек, выведи меня! Человек! (Идет.) Какая низость! Какая гадость! (Уходит.)

Настасья Тимофеевна. Андрюшенька, где же двадцать пять рублей?

Нюнин. Ну стоит ли говорить о таких пустяках? Велика важность! Тут все радуются, а вы черт знает о чем... (Кричит.)

Змеюкина. Мне душно! Дайте мне атмосферы! Возле вас я задыхаюсь!

Ять (в восторге). Чудная! Чудная!

Шафер (стараясь перекричать). Милостивые государи и милостивые государины! В сегодняшний, так сказать, день...

Занавес

дорогая (франц. ma chere).